В. Г. КОРОЛЕНКО

Сон Макара

Д

В. Г. КОРОЛЕНКО

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ

Рисунки О. Рытман

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

Р1
К68

Послесловие Г. М. Миронова

Короленко В. Г.

К68 Сон Макара: Рассказ/Послесл. Г. М. Миронова; Рис. О. Рытман.— М.: Дет. лит., 1985.— 32 с., ил.

5 к.

«Сон Макара» — одно из лучших произведений Короленко. В образе главного героя рассказа символически воплощается народная мечта о справедливом миропорядке, о счастливой доле крестьянина-труженика.

К $\frac{4803010101-411}{М101(03)-85}$ 110—85 Р1

I

Этот сон видел бедный Макар, который загнал своих телят в далекие, угрюмые страны,— тот самый Макар, на которого, как известно, валятся все шишки.

Его родина — глухая слободка Чалган — затерялась в далекой якутской тайге. Отцы и деды Макара отвоевали у тайги кусок промерзшей землицы, и хотя угрюмая чаща все еще стояла кругом враждебною стеной, они не унывали. По расчищенному месту побежали изгороди, стали скирды и стога, разрастались маленькие дымные юртенки; наконец, точно победное знамя, на холмике из середины поселка выстрелила к небу колокольня. Стал Чалган большою слободой.

Но пока отцы и деды Макара воевали с тайгой, жгли ее огнем, рубили железом, сами они незаметно дичали. Женясь на якутках, они перенимали якутский язык и якутские нравы. Характеристические черты великого русского племени стирались и исчезали.

Как бы то ни было, все же мой Макар твердо помнил, что он коренной чалганский крестьянин. Он здесь родился, здесь жил, здесь же предполагал умереть. Он очень гордился своим званием и иногда ругал других «погаными якутами», хотя, правду сказать, сам не отличался от якутов ни привычками, ни образом жизни. По-русски он говорил мало и довольно

плохо, одевался в звериные шкуры, носил на ногах торбаса́[1], питался в обычное время одною лепешкой с настоем кирпичного чая, а в праздники и в других экстренных случаях съедал топленого масла именно столько, сколько стояло перед ним на столе. Он ездил очень искусно верхом на быках, а в случае болезни призывал шамана, который, беснуясь, со скрежетом кидался на него, стараясь испугать и выгнать из Макара засевшую хворь.

Работал он страшно, жил бедно, терпел голод и холод. Были ли у него какие-нибудь мысли, кроме непрестанных забот о лепешке и чае?

Да, были.

Когда он бывал пьян, он плакал. «Какая наша жизнь,— говорил он,— господи боже!» Кроме того, он говорил иногда, что желал бы все бросить и уйти на «гору». Там он не будет ни пахать, ни сеять, не будет рубить и возить дрова, не будет даже молоть зерно на ручном жернове. Он будет только спасаться. Какая это гора, где она, он точно не знал; знал только, что гора эта есть, во-первых, а во-вторых, что она где-то далеко,— так далеко, что оттуда его нельзя будет добыть самому тойону-исправнику... Податей платить, понятно, он также не будет...

Трезвый он оставлял эти мысли, быть может сознавая невозможность найти такую чудную гору; но пьяный становился отважнее. Он допускал, что может не найти настоящую гору и попасть на другую. «Тогда пропадать буду»,— говорил он, но все-таки собирался; если же не приводил этого намерения в исполнение, то, вероятно, потому, что поселенцы-татары продавали ему всегда скверную водку, настоянную, для крепости, на махорке, от которой он вскоре впадал в бессилие и становился болен.

II

Дело было в канун рождества, и Макару было известно, что завтра большой праздник. По этому случаю его томило желание выпить, но выпить было не на что: хлеб был в исходе; Макар уже задолжал у местных купцов и у татар. Между тем завтра большой праздник, работать нельзя,— что же он будет делать, если не напьется? Эта мысль делала его несчастным. Какая его жизнь! Даже в большой зимний праздник он не выпьет одну бутылку водки!

Ему пришла в голову счастливая мысль. Он встал и надел

[1] Торбаса́ — сапоги из оленьего меха.

свою рваную *сону* (шубу). Его жена, крепкая, жилистая, замечательно сильная и столь же замечательно безобразная женщина, знавшая насквозь все его нехитрые помышления, угадала и на этот раз его намерение.

— Куда, дьявол? Опять один водку кушать хочешь?

— Молчи! Куплю одну бутылку. Завтра вместе выпьем.— Он хлопнул ее по плечу так сильно, что она покачнулась, и лукаво подмигнул. Таково женское сердце: она знала, что Макар непременно ее надует, но поддалась обаянию супружеской ласки.

Он вышел, поймал в *аласе*[1] старого лысанку, привел его за гриву к саням и стал запрягать. Вскоре лысанка вынес своего хозяина за ворота. Тут он остановился и, повернув голову, вопросительно поглядел на погруженного в задумчивость Макара. Тогда Макар дернул левою вожжой и направил коня на край слободы.

На самом краю слободы стояла небольшая юртенка. Из нее, как и из других юрт, поднимался высоко-высоко дым камелька, застилая белою, волнующеюся массою холодные звезды и яркий месяц. Огонь весело переливался, отсвечивая сквозь матовые льдины. На дворе было тихо.

Здесь жили чужие, дальние люди. Как попали они сюда, какая непогода кинула их в далекие дебри, Макар не знал и не интересовался, но он любил вести с ними дела, так как они его не прижимали и не очень стояли за плату.

Войдя в юрту, Макар тотчас же подошел к камельку и протянул к огню свои иззябшие руки.

— Ча! — сказал он, выражая тем ощущение холода.

Чужие люди были дома. На столе горела свеча, хотя они ничего не работали. Один лежал на постели и, пуская кольца дыма, задумчиво следил за его завитками, видимо связывая с ними длинные нити собственных дум. Другой сидел против камелька и тоже вдумчиво следил, как перебегали огни по нагоревшему дереву.

— Здоро́во! — сказал Макар, чтобы прервать тяготившее его молчание.

Конечно, он не знал, какое горе лежало на сердце чужих людей, какие воспоминания теснились в их головах в этот вечер, какие образы чудились им в фантастических переливах огня и дыма. К тому же у него была своя забота.

Молодой человек, сидевший у камелька, поднял голову и посмотрел на Макара смутным взглядом, как будто не узнавая его. Потом он тряхнул головой и быстро поднялся со стула.

[1] Ала́с — поле или луг, окруженные лесом.

— А, здорово, здорово, Макар! Вот и отличио! Напьешься с иамн чаю?

Макару предложенне поиравилось.

— Чаю? — переспросил он.— Это хорошо!.. Вот, брат, хорошо... Отличио!

Ои стал живо разоблачаться. Сияв шубу н шапку, ои почувствовал себя развязиее, а увидав, что в самоваре запылали уже горячие угли, обратился к молодому человеку с излиянием:

— Я вас люблю, верио!.. Так люблю, так люблю... Ночи не сплю...

Чужой человек повериулся, и иа лице его появилась горькая улыбка.

— А, любишь? — сказал он.— Что же тебе надо?

Макар замялся.

— Есть дело,— ответил ои.— Да ты почем узиал?.. Ладио. Ужо, чай выпью, скажу.

Так как чай был предложеи Макару самимн хозяевами, то ои счел уместиым пойти далее.

— Нет ли жареиого? Я люблю,— сказал он.

— Нет.

— Ну, ничего,— сказал Макар успокоительиым тоиом,— съем в другой раз... Верио? — переспросил ои,— в другой раз?

— Ладио.

Теперь Макар считал за чужимн людьми в долгу кусок жареного мяса, а у него подобиые долгн иикогда ие пропадали.

Через час ои опять сел в свои дровии. Ои добыл целый рубль, продав вперед пять возов дров иа сходиых сравнительно условиях. Правда, ои клялся и божился, что ие пропьет этих деиег сегодия, а сам иамеревался это сделать иемедленно. Но что за дело? Предстоящее удовольствие заглушало укоры совести. Ои не думал даже о том, что пьяиому ему предстоит жестокая трепка от обманутой вериой супруги.

— Куда же ты, Макар? — крикиул, смеясь, чужой человек, видя, что лошадь Макара, вместо того чтобы ехать прямо, свериула влево, по направлеиию к татарам.

— Тпру-у!.. Тпру-у!.. Видишь, коиь проклятый какой... куда едет! — оправдывался Макар, все-таки крепко натягивая левую вожжу и иезаметио подхлестывая лысаику правой.

Умиый коиек, помахивая укоризиеиио хвостом, тихо поковылял в требуемом иаправлении, и вскоре скрип Макаровых полозьев затих у татарских ворот.

III

У татарских ворот стояли на привязи несколько коней с высокими якутскимн седлами.

В тесной избе было душно. Резкий дым махорки стоял целой тучей, медленио вытягиваемый камельком. За столамн и иа скамейках сидели приезжие якуты; иа столах стояли чашки с водкой; кое-где помещалнсь кучки играющнх в карты. Лица были потны и красны. Глаза нгроков дико следили за картами. Деньги вынималнсь и тотчас же прятались по карманам. В углу, на соломе, пьяный якут покачивался сидя н тянул бесконечиую песию. Он выводил горлом дикие скрипучие звуки, повторяя иа разные лады, что завтра большой праздник, а сегодня он пьян.

Макар отдал деньги, и ему далн бутылку. Он сунул ее за пазуху и иезаметио для других отошел в темный угол. Там он наливал чашку за чашкой н тянул их одна за другой. Водка была горькая, разведенная, по случаю праздника, водой более чем на три четверти. Зато махорки, виднмо, не пожалелн. У Макара каждый раз захватывало на минуту дыхание, а в глазах ходнли какне-то багровые круги.

Вскоре он опьянел. Он тоже опустился иа солому н, обхватив руками колени, положил иа них отяжелевшую голову. Из его горла сами собой полились те же нелепые скрипучие звуки. Он пел, что завтра праздник и что он выпнл пять возов дров.

Между тем в избе становилось все теснее и теснее. Входили новые посетители — якуты, приехавшие молиться и пить татарскую водку. Хозяин увидел, что скоро ие хватит всем места. Он встал из-за стола и окинул взглядом собрание. Взгляд этот проник в темный угол н увидел там якута н Макара.

Он подошел к якуту и, взяв его за шиворот, вышвырнул вон из избы. Потом подошел к Макару. Ему, как местному жителю, татарин оказал больше почета: широко отворив двери, он поддал бедняге сзади ногою такого леща, что Макар вылетел из избы н ткнулся носом прямо в сугроб снега.

Трудно сказать, был ли он оскорблен подобным обращением. Он чувствовал, что в рукавах у него снег, снег на лице. Кое-как выбравшись нз сугроба, он поплелся к своему лысанке.

Луна поднялась уже высоко. Большая Медведица стала опускать хвост книзу. Мороз крепчал. По временам на севере, из-за темного полукруглого облака, вставали, слабо играя, огненные столбы начинавшегося северного сияния.

Лысанка, видимо понимавший положение хозяина, осто-

рожно и разумно поплелся к дому. Макар сидел на дровнях, покачиваясь, и продолжал свою песню. Он пел, что выпил пять возов дров и что старуха будет его колотить. Звуки, вырывавшиеся из его горла, скрипели и стонали в вечернем воздухе так уныло и жалобно, что у чужого человека, который в это время взобрался на юрту, чтобы закрыть трубу камелька, стало от Макаровой песни еще тяжелее на сердце. Между тем лысанка вынес дровни на холмик, откуда видны были окрестности. Снега ярко блестели, облитые лунным сиянием. Временами свет луны как будто таял, снега темнели, и тотчас же на них переливался отблеск северного сияния. Тогда казалось, что снежные холмы и тайга на них то приближались, то опять удалялись. Макару ясно виднелась под самою тайгой снежная плешь Ямалахского холмика, за которым в тайге у него поставлены были ловушки для всякого лесного зверя и птицы.

Это изменило ход его мыслей. Он запел, что в ловушку его попала лисица. Он продаст завтра шкуру, и старуха не станет его колотить.

В морозном воздухе раздался первый удар колокола, когда Макар вошел в избу. Он первым словом сообщил старухе, что у них в плашку попала лисица. Он совсем забыл, что старуха не пила вместе с ним водки, и был сильно удивлен, когда, невзирая на радостное известие, она немедленно нанесла ему ногою жестокий удар пониже спины. Затем, пока он повалился на постель, она еще успела толкнуть его кулаком в шею.

Над Чалганом между тем несся, разливаясь далеко-далеко, торжественный праздничный звон.

IV

Он лежал на постели. Голова у него горела. Внутри жгло, точно огнем. По жилам разливалась крепкая смесь водки и табачного настоя. По лицу текли холодные струйки талого снега; такие же струйки стекали и по спине.

Старуха думала, что он спит. Но он не спал. Из головы у него не шла лисица. Он успел вполне убедиться, что она попала в ловушку; он даже знал, в которую именно. Он ее видел,— видел, как она, прищемленная тяжелой плахой, роет снег когтями и старается вырваться. Лучи луны, продираясь сквозь чащу, играли на золотой шерсти. Глаза зверя сверкали ему навстречу.

Он не выдержал и, встав с постели, направился к своему верному лысанке, чтобы ехать в тайгу.

Что это? Неужели сильиые руки старухи схватили за воротник его соиы, н ои опять брошеи иа постель?

Нет, вот ои уже за слободою. Полозья ровио поскрипывают по крепкому сиегу. Чалган остался сзади. Сзадн иесется торжествеииый гул церковиого колокола, а иад темиою чертой горнзонта на светлом иебе мелькают чериыми силуэтами вереиицы якутских всадиков, в высоких, остроконечиых шапках. Якуты спешат в церковь.

Между тем луиа опустилась, а вверху, в самом зеиите, стало белесоватое облачко и засияло переливчатым фосфорическим блеском. Потом оно как будто разорвалось, растяиулось, прысиуло, и от него быстро потянулись в разиые стороны полосы разиоцветиых огней, между тем как полукруглое темиое облачко иа севере еще более потемиело. Оио стало черио, чериее тайги, к которой приближался Макар.

Дорога вилась между мелкою, частою порослью. Направо и налево подымалнсь холмы. Чем далее, тем выше стаиовились деревья. Тайга густела. Оиа стояла безмолвиая и полиая тайны. Голые деревья листвеииец были опушены серебряным инеем. Мягкий свет сполоха[1], продираясь сквозь их вершииы, ходил по ией, кое-где открывая то снежиую поляику, то лежащне трупы разбнтых лесиых гигаитов, запушеииых снегом... Мгиовеиие — и все опять тоиуло во мраке, полиом молчаиия и тайны.

Макар остаиовнлся. В этом месте, почти иа самую дорогу, выдвигалось начало целой системы ловушек. При фосфорическом свете ему была ясио видиа иевысокая городьба из валежиика; ои видел даже первую плаху — три тяжелые длииые бревиа, упертые иа отвесиом колу и поддерживаемые довольио хнтрою системой рычагов с волосяиыми веревочками.

Правда, это были чужие ловушки; ио ведь лисица могла попасть и в чужие. Макар торопливо сошел с дровией, оставил умиого лысаику на дороге и чутко прислушался.

В тайге ни звука. Только из далекой, иевидной теперь слободы иесся по-прежиему торжествениый звои.

Можио было ие опасаться. Владелец ловушек, Алешка-чалгаиец, сосед н кровиый враг Макара, иавериое, был теперь в церкви. Не было видио ии одиого следа иа ровиой поверхности иедавио выпавшего снега.

Ои пустился в чащу,— ничего. Под ногамн хрустит снег. Плахи стоят рядами, точио ряды пушек с открытыми жерлами, в безмолвиом ожидании.

[1] Сполóх — северное сиянне.

Он прошел взад и вперед,— напрасно. Он направился опять на дорогу.

Но, чу!.. Легкий шорох... В тайге мелькнула красноватая шерсть, на этот раз в освещенном месте, так близко!.. Макар ясно видел острые уши лисицы; ее пушистый хвост вилял из стороны в сторону, как будто заманивая Макара в чащу. Она исчезла между стволами, в направлении Макаровых ловушек, и вскоре по лесу пронесся глухой, но сильный удар. Он прозвучал сначала отрывисто, глухо, потом как будто отдался под навесом тайги и тихо замер в далеком овраге.

Сердце Макара забилось. Это упала плаха.

Он бросился, пробираясь сквозь чащу. Холодные ветви били его по глазам, сыпали в лицо снегом. Он спотыкался; у него захватывало дыхание.

Вот он выбежал на просеку, которую некогда сам прорубил. Деревья, белые от инея, стояли по обеим сторонам, а внизу, суживаясь, маячила дорожка, и в конце ее насторожилось жерло большой плахи... Недалеко...

Но вот на дорожке около плахи мелькнула фигура,— мелькнула и скрылась. Макар узнал чалганца Алешку: ему ясно была видна его небольшая кореастая фигура, согнутая вперед, с походкой медведя. Макару казалось, что темное лицо Алешки стало еще темнее, а большие зубы оскалялись еще более, чем обыкновенно.

Макар чувствовал искреннее негодование. «Вот подлец!.. Он ходит по моим ловушкам». Правда, Макар и сам сейчас только прошел по плахам Алешки, но тут была разница... Разница состояла именно в том, что, когда он сам ходил по чужим ловушкам, он чувствовал страх быть застигнутым; когда же по его плахам ходили другие, он чувствовал негодование и желание самому настигнуть нарушителя его прав.

Он бросился наперерез к упавшей плахе. Там была лисица. Алешка своею развалистою, медвежьей походкой направлялся туда же. Надо было поспевать ранее.

Вот и лежачая плаха. Под нею краснеет шерсть прихлопнутого зверя. Лисица рылась в снегу когтями именно так, как она ему виделась прежде, и так же смотрела ему навстречу своими острыми, горящими глазами.

— *Тытыма́* (не тронь)!.. Это мое! — крикнул Макар Алешке.

— *Тытыма́!* — отдался, точно эхо, голос Алешки.— Мое!

Они оба побежали в одно время и торопливо, наперебой, стали подымать плаху, освобождая из-под нее зверя. Когда плаха была приподнята, лисица поднялась также. Она сделала прыжок, потом остановилась, посмотрела на обоих чалганцев каким-то насмешливым взглядом, потом, загнув морду,

лизнула прищемленное бревном место и весело побежала вперед, приветливо виляя хвостом.

Алешка бросился было за нею, но Макар схватил его сзади за полу соны.

— *Тытыма́!* — крикнул он,— это мое! — и сам побежал вслед за лисицей.

— *Тытыма́!* — опять эхом отдался голос Алешки, и Макар почувствовал, что тот схватил его, в свою очередь, за сону и в одну секунду опять выбежал вперед.

Макар обозлился. Он забыл про лисицу и устремился за Алешкой.

Они бежали все быстрее. Ветка лиственницы сдернула шапку с головы Алешки, но тому некогда было подымать ее; Макар уже настигал его с яростным криком. Но Алешка всегда был хитрее бедного Макара. Он вдруг остановился, повернулся и нагнул голову. Макар ударился в нее животом и кувыркнулся в снег. Пока он падал, проклятый Алешка схватил с головы Макара шапку и скрылся в тайге.

Макар медленно поднялся. Он чувствовал себя окончательно побитым и несчастным. Нравственное состояние было отвратительно. Лисица была в руках, а теперь.... Ему казалось, что в потемневшей чаще она насмешливо вильнула еще раз хвостом и окончательно скрылась.

Потемнело. Белесоватое облачко чуть-чуть виднелось в зените. Оно как будто тихо таяло, и от него, как-то устало и томно, лились еще замиравшие лучи сияния.

По разгоряченному телу Макара бежали целые потоки острых струек талого снега. Снег попал ему в рукава, за воротник соны, стекал по спине, лился за торбаса. Проклятый Алешка унес с собой его шапку. Рукавицы он потерял где-то на бегу. Дело было плохо. Макар знал, что лютый мороз не шутит с людьми, которые уходят в тайгу без рукавиц и без шапки.

Он шел уже долго. По его расчетам он давно должен бы уже выйти из Ямалаха и увидеть колокольню, но он все кружил по тайге. Чаща, точно заколдованная, держала его в своих объятиях. Издали доносился все тот же торжественный звон. Макару казалось, что он идет на него, но звон все удалялся, и, по мере того как его переливы доносились все тише и тише, в сердце Макара вступало тяжелое отчаяние.

Он устал. Он был подавлен. Ноги подкашивались. Его избитое тело ныло тупою болью. Дыхание в груди захватывало. Руки и ноги коченели. Обнаженную голову стягивало точно раскаленными обручами.

«Пропадать буду, однако!» — все чаще и чаще мелькало у него в голове. Но он все шел.

Тайга молчала. Она только смыкалась за ним с каким-то враждебным упорством и нигде не давала ни просвета, ни надежды.

«Пропадать буду, однако!» — все думал Макар.

Он совсем ослаб. Теперь молодые деревья прямо, без всяких стеснений, били его по лицу, издеваясь над его беспомощным положением. В одном месте на прогалину выбежал белый ушка́н (заяц), сел на задние лапки, повел длинными ушами с черными отметинками на концах и стал умываться, делая Макару самые дерзкие рожи. Он давал ему понять, что он отлично знает его, Макара,— знает, что он и есть тот самый Макар, который настроил в тайге хитрые машины для его, зайца, погибели. Но теперь он над ним издевался.

Макару стало горько. Между тем тайга все оживлялась, но оживлялась враждебно. Теперь даже дальние деревья протягивали длинные ветви на его дорожку и хватали его за волосы, били по глазам, по лицу. Тетерева выходили из тайных логовищ и уставлялись в него любопытными круглыми глазами, а косачи[1] бегали между ними, с распущенными хвостами и сердито оттопыренными крыльями, и громко рассказывали самкам про него, Макара, и про его козни. Наконец в дальних чащах замелькали тысячи лисьих морд. Они тянули воздух и насмешливо смотрели на Макара, поводя острыми ушами. А зайцы становились перед ними на задние лапки и хохотали, докладывая, что Макар заблудился и не выйдет из тайги.

Это было уже слишком.

«Пропадать буду!» — подумал Макар и решил сделать это немедленно.

Он лег в снег.

Мороз крепчал. Последние переливы сияния слабо мерцали и тянулись по небу, заглядывая к Макару сквозь вершины тайги. Последние отголоски колокола донеслись с далекого Чалгана.

Сияние полыхнуло и погасло. Звон стих.

И Макар умер.

V

Как это случилось, он не заметил. Он знал, что из него должно что-то выйти, и ждал, что вот-вот оно выйдет... Но ничего не выходило.

Между тем он сознавал, что уже умер, и потому лежал

[1] Коса́ч — тетерев-самец.

смирно, без движения. Лежал он долго,— так долго, что ему надоело.

Было совершенно темно, когда Макар почувствовал, что его кто-то толкнул ногою. Он повернул голову и открыл сомкнутые глаза.

Теперь лиственницы стояли над ним смиренные, тихие, точно стыдясь прежних проказ. Мохнатые ели вытягивали свои широкие, покрытые снегом лапы и тихо-тихо качались. В воздухе также тихо садились лучистые снежинки.

Яркие добрые звезды заглядывали с синего неба сквозь частые ветви и как будто говорили: «Вот, видите, бедный человек умер».

Над самым телом Макара, толкая его ногою, стоял старый попик Иван. Его длинная ряса была покрыта снегом; снег виднелся на меховом *бергесе* (шапке), на плечах, в длинной бороде попа Ивана. Всего удивительнее было то обстоятельство, что это был тот самый попик Иван, который умер назад тому четыре года.

Это был добрый попик. Он никогда не притеснял Макара насчет руги[1], никогда не требовал даже денег за требы[2]. Макар сам назначал ему плату за крестины и за молебны и теперь со стыдом вспомнил, что иногда платил маловато, а порой не платил вовсе. Поп Иван и не обижался; ему требовалось одно: всякий раз надо было поставить бутылку водки. Если у Макара не было денег, поп Иван сам посылал за бутылкой, и они пили вместе. Попик напивался непременно до положения риз, но при этом дрался очень редко и не сильно. Макар доставлял его, беспомощного и беззащитного, домой на попечение матушки-попадьи.

Да, это был добрый попик, но умер он нехорошею смертью. Однажды, когда все вышли из дому и пьяный попик остался один лежать на постели, ему вздумалось покурить. Он встал и, шатаясь,подошел к огромному, жарко натопленному камельку, чтобы закурить у огня трубку. Он был слишком уж пьян, покачнулся и упал в огонь. Когда пришли домочадцы, от попа остались лишь ноги.

Все жалели доброго попа Ивана; но так как от него остались одни только ноги, то вылечить его не мог уже ни один доктор в мире. Ноги похоронили, а на место попа Ивана назначили другого.

Теперь этот попик, в целом виде, стоял над Макаром и подталкивал его ногою.

— Вставай, Макарушко,— говорил он.— Пойдем-ка.

---

[1] Ру́га — плата попу от прихожан.

[2] Тре́ба — любой богослужебный обряд: крестины, отпевание и др.

— Куда я пойду? — спросил Макар с неудовольствием.

Он полагал, что раз он «пропал», его обязанность — лежать спокойно, и ему нет надобности идти опять по тайге, бродя без дороги. Иначе зачем было ему пропадать?

— Пойдем к *большому Тойону*[1].

— Зачем я пойду к нему? — спросил Макар.

— Он будет тебя судить,— сказал попик скорбным и несколько умиленным голосом.

Макар вспомнил, что действительно после смерти надо идти куда-то на суд. Он это слышал когда-то в церкви. Значит, попик был прав. Приходилось подняться.

И Макар поднялся, ворча про себя, что даже после смерти не дают человеку покоя.

Попик шел впереди. Макар за ним. Шли они все прямо. Лиственницы смиренно сторонились, давая дорогу. Шли на восток.

Макар с удивлением заметил, что после попа Ивана не остается следов на снегу. Взглянув себе под ноги, он также не увидел следов: снег был чист и гладок, как скатерть.

Он подумал, что теперь ему очень удобно ходить по чужим ловушкам, так как никто об этом не может узнать; но попик, угадавший, очевидно, его сокровенную мысль, повернулся к нему и сказал:

— *Кабы́сь* (брось, оставь)! Ты не знаешь, что тебе достанется за каждую подобную мысль.

— Ну, ну! — ответил недовольно Макар.— Уж нельзя и подумать! Чтó ты нынче такой стал строгий? Молчи ужó!..

Попик покачал головой и пошел дальше.

— Далеко ли идти? — спросил Макар.

— Далеко,— ответил попик сокрушенно.

— А чего будем есть? — спросил опять Макар с беспокойством.

— Ты забыл,— ответил попик, повернувшись к нему,— что ты умер и что теперь тебе не надо ни есть, ни пить.

Макару это не очень понравилось. Конечно, это хорошо в том случае, когда нечего есть, но тогда уж надо бы лежать так, как он лежал тотчас после своей смерти. А идти, да еще идти далеко, и не есть ничего, это казалось ему ни с чем несообразным. Он опять заворчал.

— Не ропщи! — сказал попик.

— Ладно! — ответил Макар обиженным тоном, но сам продолжал жаловаться про себя и ворчать на дурные порядки: «Человека заставляют ходить, а есть ему не надо! Где это слыхано?»

---

[1] Тойóн — господин, хозяин, начальник.

Он был недоволен все время, следуя за попом. А шли онн, по-вндимому, долго. Правда, Макар не вндел еще рассвета, но, судя по пространству, ему казалось, что онн шлн уже целую неделю: так много они оставнлн за собой падей и сопок[1], рек н озер, так много прошли онн лесов н равннн. Когда Макар оглядывался, ему казалось, что темная тайга сама убегает от ннх назад, а высокие снежные горы точно таялн в сумраке ночи и быстро скрывалнсь за горнзонтом.

Онн как будто поднималнсь все выше. Звезды становнлнсь все больше н ярче. Потом нз-за гребня возвышенностн, на которую они поднялнсь, показался краешек давно закатнвшейся луны. Она как будто торопилась уйтн, но Макар с попнком ее нагоняли. Наконец она вновь стала подыматься над горнзонтом. Онн пошлн по ровному, сильно приподнятому месту.

Теперь стало светло — гораздо светлее, чем прн начале ночн. Это пронсходнло, конечно, оттого, что онн былн гораздо блнже к звездам. Звезды, велнчнною каждая с яблоко, так н сверкалн, а луна, точно дно большой золотой бочкн, сияла, как солнце, освещая равнину от края н до края.

На равнине совершенно явственно виднелась каждая снежннка. По ней пролегало множество дорог, н все они сходнлись к одному месту на востоке. По дорогам шлн н ехали людн в разных одеждах н разного внда.

Вдруг Макар, вннмательно всматрнвавшийся в одного всадннка, свернул с дорогн н побежал за ннм.

— Постой, постой! — крнчал попнк, но Макар даже не слышал. Он узнал знакомого татарина, который шесть лет назад увел у него пегого коня, а пять лет назад скончался. Теперь татарнн ехал на том же пегом коне. Конь так н взвнвался. Из-под копыт его летелн целые тучн снежной пылн, сверкавшей разноцветнымн перелнвамн звездных лучей. Макар уднвился при виде этой бешеной скачкн, как мог он, пешнй, так легко догнать конного татарина. Впрочем, завндев Макара в несколькнх шагах, татарнн с большою готовностью остановнлся. Макар запальчнво напал на него.

— Пойдем к старосте,— крнчал он,— это мой конь. Правое ухо у него разрезано... Смотрн, какой ловкий!.. Едет на чужом коне, а хозяин ндет пешком, точно ннщнй.

— Постой! — сказал на это татарин.— Не надо к старосте. Твой конь, говорнншь?.. Ну, н берн его! Проклятая животнна! Пятый год еду на ней, н все как будто нн с места... Пешне люди то н дело обгоняют меня; хорошему татарнну даже стыдно.

[1]Падь — глубокий овраг, ущелье. Сопка — здесь: остроконечная гора.

И он занес ногу, чтобы сойти с седла, но в это время запыхавшийся попик подбежал к ним и схватил Макара за руку.

— Несчастный! — вскричал он.— Что ты делаешь? Разве не видишь, что татарин хочет тебя обмануть?

— Конечно, обманывает,— вскричал Макар, размахивая руками,— конь был хороший, настоящая хозяйская лошадь... Мне давали за нее сорок рублей еще по третьей траве... [1] Не-ет, брат! Если ты испортил коня, я его зарежу на мясо, а ты заплатишь мне чистыми деньгами. Думаешь, что — татарин, так и нет на тебя управы?

Макар горячился и кричал нарочно, чтобы собрать вокруг себя побольше народу, так как он привык бояться татар. Но попик остановил его:

— Тише, тише, Макар! Ты все забываешь, что ты уже умер... Зачем тебе конь? Да притом, разве ты не видишь, что пешком ты подвигаешься гораздо быстрее татарина? Хочешь, чтобы тебе пришлось ехать целых тысячу лет?

Макар смекнул, почему татарин так охотно уступал ему лошадь.

«Хитрый народ!» — подумал он и обратился к татарину:

— Ладно ужо́! Поезжай на коне, а я, брат, сделаю на тебя прошение.

Татарин сердито нахлобучил шапку и хлестнул коня. Конь взвился, клубы снега посыпались из-под копыт, но пока Макар с попом не тронулись, татарин не уехал от них ни пяди.

Он сердито плюнул и обратился к Макару:

— Послушай, *дого́р* (приятель), нет ли у тебя листочка махорки? Страшно хочется курить, а свой табак я выкурил уже четыре года назад.

— Собака тебе приятель, а не я! — сердито ответил Макар.— Видишь ты: украл коня и просит табаку! Пропадай ты совсем, мне и то не будет жалко.

И с этими словами Макар тронулся далее.

— А ведь напрасно ты не дал ему листок махорки,— сказал ему поп Иван.— За это на суде Тойон простил бы тебе не менее сотни грехов.

— Так что ж ты не сказал мне этого ранее? — огрызнулся Макар.

— Да уж теперь поздно учить тебя. Ты должен был узнать об этом от своих попов при жизни.

Макар осердился. От попов он не видал никакого толку: получают ругу, а не научили даже, когда надо дать татарину листок табаку, чтобы получить отпущение грехов. Шутка ли:

[1] *По третьей траве* — то есть по третьему году.

сто грехов... и всего за один листочек!.. Это ведь чего-нибудь стóит!

— Постой,— сказал он.— Будет с нас одного листочка, а остальные четыре я отдам сейчас татарину. Это будет четыре сотни грехов.

— Оглянись,— сказал попик.

Макар оглянулся. Сзади расстилалась только белая пустынная равнина. Татарин мелькнул на одну секунду далекою точкой. Макару казалось, что он увидел, как белая пыль летит из-под копыт его пегашки, но через секунду и эта точка исчезла.

— Ну, ну,— сказал Макар.— Будет татарину и без табаку ладно. Видишь ты: испортил коня, проклятый!

— Нет,— сказал попик,— он не испортил твоего коня, но конь этот краденый. Разве ты не слышал от стариков, что на краденом коне далеко не уедешь?

Макар действительно слышал это от стариков, но так как во время своей жизни видел нередко, что татары уезжали на краденых конях до самого города, то, понятно, он старикам не давал веры. Теперь же он пришел к убеждению, что и старики говорят иногда правду.

И он стал обгонять на равнине множество всадников. Все они мчались так же быстро, как и первый. Кони летели, как птицы, всадники были в поту, а между тем Макар то и дело обгонял их и оставлял за собою.

Большею частью это были татары, но попадались и коренные чалганцы; некоторые из последних сидели на краденых быках и подгоняли их талинками.

Макар смотрел на татар враждебно и каждый раз ворчал, что этого им еще мало. Когда же он встречался с чалганцами, то останавливался и благодушно беседовал с ними: все-таки это были приятели, хоть и воры. Порой он даже выражал свое участие тем, что, подняв на дороге талинку, усердно подгонял сзади быков и коней; но лишь только сам он делал несколько шагов, как уже всадники оставались сзади чуть заметными точками.,.

Равнина казалась бесконечною. Они то и дело обгоняли всадников и пеших людей, а между тем вокруг все казалось пусто. Между каждыми двумя путниками лежали как будто целые сотни или даже тысячи верст.

Между другими фигурами Макару попался незнакомый старик; он был, очевидно, чалганец; это было видно по лицу, по одежде, даже по походке, но Макар не мог припомнить, чтоб он когда-либо прежде его видел. На старике была рваная сона, большой ухастый бергес, тоже рваный, кожаные старые штаны и рваные телячьи торбаса. Но, что хуже всего,— не-

смотря на свою старость,— он тащнл иа плечах еще более древнюю старуху, ногн которой волочилнсь по земле. Старнк трудио дышал, заплетался н тяжело налегал иа палку. Макару стало его жалко. Он остаиовнлся. Старнк остановнлся тоже.

— *Капсé* (говори)! — сказал Макар прнветлнво.

— Нет,— ответнл старнк.

— Что слышал?

— Ннчего не слыхал.

— Что видел?

— Ничего не вндал.

Макар помолчал немного н тогда уже счел возможным расспроснть старнка, кто он н откуда плетется.

Старнк назвался. Давно уже,— сам он не знает, сколько лет назад,— он оставнл Чалган н ушел на «гору» спасаться. Там ои ничего ие делал, ел только морошку н корни, не пахал, ие сеял, не молол иа жернове хлеба и не платнл податей. Когда он умер, то прншел к Тойону на суд. Тойон спроснл, кто он н что делал. Он рассказал, что ушел на «гору» и спасался. «Хорошо,— сказал Тойон,— а где же твоя старуха? Подн, приведн сюда твою старуху». И ои пошел за старухой, а старуха перед смертью побиралась, н ее некому было кормнть, н у нее не было нн дома, ин коровы, ин хлеба. Она ослабела н не может волочнть ног. И он теперь должен тащнть к Тойону старуху на себе.

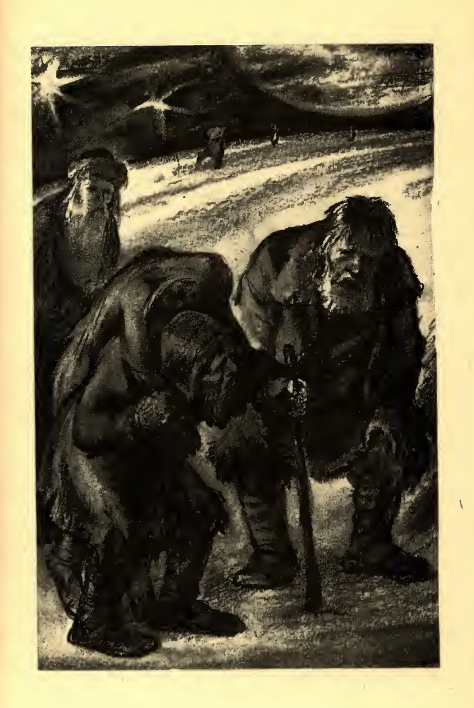
Старик заплакал, а старуха ударнла его ногою, точно быка, и сказала слабым, ио серднтым голосом:

— Неси!

Макару стало еще более жаль старнка, н он порадовался от души, что ему не удалось уйтн на «гору». Его старуха была громадная, рослая старуха, и ему иестн ее было бы еще труднее. А еслн бы, вдобавок, она стала пннать его ногою, как быка, то, наверное, скоро заезднла бы до второй смерти.

Из сожаленпя он взял было старуху за ногн, чтобы помочь догóру, но едва сделал два-три шага, как должен был быстро выпустнть старухнны ноги, чтоб онн не осталнсь у него в руках. В одну мннуту старнк со своей ношей нсчезлн нз внду.

В дальиейшем пути не встречалось более лнц, которых Макар удостонл бы своим особенным вниманием. Тут былн воры, нагруженные, как вьючиая скотнна, крадеиым добром н подвнгавшнеся шаг за шагом; толстые якутскне тойоны тряслись, сндя на высокнх седлах, точио башии, задевая за облака высокими шапками. Тут же, рядом, впрнпрыжку бежалн бедиые *комночиты* (работиики), поджарые и легкне, как зайцы. Шел мрачный убнйца, весь в кровн, с днко

блуждающнм взором. Напрасно кидался он в чнстый снег, чтобы смыть кровавые пятна. Снег мгновенно обагрялся кругом, как кипень, а пятна на убнйце выступали ясиее, н в его взоре вcase вндиелнсь днкое отчаяние н ужас. И он все шел, нзбегая чужнх нспуганных взглядов.

А маленькне детскне душн то н дело мелькалн в воздухе, точно птнчкн. Они летели большнмн стаями, н Макара это не удивляло. Дурная, грубая пнща, грязь, огонь камельков н холодные сквознякн юрт выжнвалн нх из одного Чалгана чуть не сотнямн. Поравнявшнсь с убнйцей, онн нспуганной стаей кидались далеко в сторону, н долго еще после того слышался в воздухе быстрый, тревожный звон нх маленькнх крыльев.

Макар не мог не заметнть, что он подвнгается сравннтельно с другнмн довольно быстро, н поспешил прнпнсать это своей добродетелн.

— Слушай, *агабыт* (отец),— сказал он,— как ты думаешь? Я хоть и любнл прн жнзнн выпнть, а человек был хорошнй. Бог меня любнт...

Он пытлнво взглянул на попа Ивана. У него была задняя мысль: выведать кое-что от старого попнка. Но тот сказал кратко:

— Не горднсь! Уже близко. Скоро узнаешь сам.

Макар н не заметил раньше, что на равннне как будто стало светать. Прежде всего, из-за горизонта выбежалн несколько светлых лучей. Оии быстро пробежалн по небу н потушнлн яркне звезды. И звезды погаслн, а луна закатнлась. И снежная равннна потемнела.

Тогда над нею поднялнсь туманы н стали кругом равннны, как почетная стража.

И в одном месте, иа востоке, туманы стали светлее, точно воины, одетые в золото.

И потом туманы заколыхалнсь, золотые воины наклонилнсь долу.

И нз-за иих вышло солнце н стало на нх золотнстых хребтах н оглянуло равннну.

И равнина вся засияла невнданным, ослепнтельным светом.

И туманы торжествению поднялнсь огромным хороводом, разорвались на западе н, колеблясь, понеслнсь кверху.

И Макару казалось, что он слышнт чудную песню. Это была как будто та самая, давно знакомая песня, которою земля каждый раз приветствует солнце. Но Макар ннкогда еще не обращал на нее никакого вннмання н только в первый раз понял, какая это чудная песня.

Он стоял н слушал н не хотел ндтн далее, а хотел вечно стоять здесь н слушать...

. . . .

Но поп Иван тронул его за рукав.

— Войдем,— сказал он.— Мы пришли.

Тогда Макар увидел, что они стоят у большой двери, которую раньше скрывали туманы.

Ему очень не хотелось идти, но — делать нечего — он повиновался.

VI

Они вошли в хорошую, просторную избу, и, только войдя сюда, Макар заметил, что на дворе был сильный мороз. Посредине избы стоял камелек чудной резной работы, из чистого серебра, и в нем пылали золотые поленья, давая ровное тепло, сразу проникавшее все тело. Огонь этого чудного камелька не резал глаз, не жег, а только грел, и Макару опять захотелось вечно стоять здесь и греться. Поп Иван также подошел к камельку и протянул к нему иззябшие руки.

В избе было четверо дверей, из которых только одна вела наружу, а в другие то и дело входили и выходили какие-то молодые люди в длинных белых рубахах. Макар подумал, что это, должно быть, работники здешнего Тойона. Ему казалось, что он где-то их уже видел, но не мог вспомнить, где именно. Немало удивляло его то обстоятельство, что у каждого работника на спине болтались большие белые крылья, и он подумал, что, вероятно, у Тойона есть еще другие работники, так как эти, наверное, не могли бы с своими крыльями пробираться сквозь чащу тайги для рубки дров или жердей.

Один из работников подошел тоже к камельку и, повернувшись к нему спиною, заговорил с попом Иваном:

— Говори!

— Нечего,— отвечал попик.

— Что ты слышал на свете?

— Ничего не слыхал.

— Что видел?

— Ничего не видал.

Оба помолчали, и тогда поп сказал:

— Привел вот одного.

— Это чалганец? — спросил работник.

— Да, чалганец.

— Ну, значит, надо приготовить большие весы.

И он ушел в одну из дверей, чтобы распорядиться, а Макар спросил у попа, зачем нужны весы и почему именно большие?

— Видишь,— ответил поп несколько смущенно,— весы

нужны, чтобы взвесить добро и зло, какое ты сделал при жизни. У всех остальных людей зло и добро приблизительно уравновешивают чашки; у одних чалганцев грехов так много, что для них Тойон велел сделать особые весы с громадной чашкой для грехов.

От этих слов у Макара как будто скребнуло по сердцу. Он стал робеть.

Работники внесли и поставили большие весы. Одна чашка была золотая и маленькая, другая — деревянная, громадных размеров. Под последней вдруг открылось глубокое черное отверстие.

Макар подошел и тщательно осмотрел весы, чтобы не было фальши. Но фальши не было. Чашки стояли ровно, не колеблясь.

Впрочем, он не вполне понимал их устройство и предпочел бы иметь дело с безменом, на котором в течение долгой жизни он отлично выучился и продавать, и покупать с некоторой выгодой для себя.

— Тойон идет,— сказал вдруг поп Иван и стал быстро обдергивать ряску.

Средняя дверь отворилась, и вошел старый-престарый Тойон, с большою серебристою бородой, спускавшеюся ниже пояса. Он был одет в богатые, неизвестные Макару меха и ткани, а на ногах у него были теплые сапоги, обшитые плисом, какие Макар видел на старом иконописце.

И при первом же взгляде на старого Тойона Макар узнал, что это тот самый старик, которого он видел нарисованным в церкви. Только тут с ним не было сына; Макар подумал, что, вероятно, последний ушел по хозяйству. Зато голубь влетел в комнату и, покружившись у старика над головою, сел к нему на колени. И старый Тойон гладил голубя рукою, сидя на особо приготовленном для него стуле.

Лицо старого Тойона было доброе, и, когда у Макара становилось слишком уж тяжело на сердце, он смотрел на это лицо, и ему становилось легче.

А на сердце у него становилось тяжело потому, что он вспомнил вдруг всю свою жизнь до последних подробностей, вспомнил каждый свой шаг, и каждый удар топора, и каждое срубленное дерево, и каждый обман, и каждую рюмку выпитой водки.

И ему стало стыдно и страшно. Но, взглянув в лицо старого Тойона, он ободрился.

А ободрившись, подумал, что, быть может, кое-что удастся и скрыть.

Старый Тойон посмотрел на него и спросил, кто он, и откуда, и как зовут, и сколько ему лет от роду.

Когда Макар ответил, старый Тойон спросил:

— Что сделал ты в своей жизни?

— Сам знаешь,— ответил Макар.— У тебя должно быть записано.

Макар испытывал старого Тойона, желая узнать, действительно ли у него записано все.

— Говори сам, не молчи! — сказал старый Тойон.

И Макар опять ободрился.

Он стал перечислять свои работы, и хотя он помнил каждый удар топора, и каждую срубленную жердь, и каждую борозду, проведенную сохою, но он прибавлял целые тысячи жердей, и сотни возов дров, и сотни бревен, и сотни пудов посева.

Когда он все перечислил, старый Тойон обратился к попу Ивану:

— Принеси-ка сюда книгу.

Тогда Макар увидел, что поп Иван служит у Тойона *суруксутом* (писарем), и очень осердился, что тот по-приятельски не сказал ему об этом раньше.

Поп Иван принес большую книгу, развернул ее — и стал читать.

— Загляни-ка,— сказал старый Тойон,— сколько жердей?

Поп Иван посмотрел и сказал с прискорбием:

— Он прибавил целых тринадцать тысяч.

— Врет он! — крикнул Макар запальчиво.— Он, верно, ошибся, потому что он пьяница и умер нехорошею смертью!

— Замолчи ты! — сказал старый Тойон.— Брал ли он с тебя лишнее за крестины или за свадьбы? Вымогал ли он ругу?

— Что́ говорить напрасно! — ответил Макар.

— Вот видишь,— сказал Тойон,— я знаю и сам, что он любил выпить...

И старый Тойон осердился.

— Читай теперь его грехи по книге, потому что он обманщик, и я ему не верю,— сказал он попу Ивану.

А между тем работники кинули на золотую чашку Макаровы жерди, и его дрова, и его пахоту, и всю его работу. И всего оказалось так много, что золотая чашка весов опустилась, а деревянная поднялась высоко-высоко, и ее нельзя было достать руками, и молодые божьи работники взлетели на своих крыльях, и целая сотня тянула ее веревками вниз.

Тяжела была работа чалганца!

А поп Иван стал высчитывать обманы, и оказалось, что обманов было — двадцать одна тысяча девятьсот тридцать три обмана; и поп стал высчитывать, сколько Макар выпил бутылок водки, и оказалось — четыреста бутылок; и поп читал

далее, а Макар видел, что деревянная чашка весов перетягивает золотую и что она опускается уже в яму, и пока поп читал, она все опускалась.

Тогда Макар подумал про себя, что дело его плохо, и, подойдя к весам, попытался незаметно поддержать чашку ногою. Но один из работников увидел это, и у них вышел шум.

— Что там такое? — спросил старый Тойон.

— Да вот он хотел поддержать весы ногою,— ответил работник.

Тогда Тойон гневно обратился к Макару и сказал:

— Вижу, что ты обманщик, ленивец и пьяница... И за тобой осталась недоимка, и поп за тобою считает ругу, и исправник грешит из-за тебя, ругая тебя каждый раз скверными словами!..

И, обратясь к попу Ивану, старый Тойон спросил:

— Кто в Чалгане кладет на лошадей более всех кладей и кто гоняет их всех больше?

Поп Иван ответил:

— Церковный трапезник[1]. Он гоняет почту и возит исправника.

Тогда старый Тойон сказал:

— Отдать этого ленивца трапезнику в мерины, и пусть он возит на нем исправника, пока не заездит... А там мы посмотрим.

И только что старый Тойон сказал это слово, как дверь отворилась и в избу вошел сын старого Тойона и сел от него по правую руку.

И сын сказал:

— Я слышал твой приговор... Я долго жил на свете и знаю тамошние дела: тяжело будет бедному человеку возить исправника! Но... да будет!.. Только, может быть, он еще что-нибудь скажет. Говори, *барахсáн* (бедняга)!

Тогда случилось что-то странное. Макар, тот самый Макар, который никогда в жизни не произносил более десяти слов кряду, вдруг ощутил в себе дар слова. Он заговорил и сам изумился. Стало как бы два Макара: один говорил, другой слушал и удивлялся. Он не верил своим ушам. Речь у него лилась плавно и страстно, слова гнались одно за другим вперегонку и потом становились длинными, стройными рядами. Он не робел. Если ему и случалось запнуться, то тотчас же он оправлялся и кричал вдвое громче. А главное — чувствовал сам, что говорил убедительно.

---

[1] Трапéзник — церковный сторож.

Старый Тойон, немного осердившийся сначала за его дерзость, стал потом слушать с большим вниманием, как бы убедившись, что Макар не такой уж дурак, каким казался сначала. Поп Иван в первую минуту даже испугался и стал дергать Макара за полу сопы, но Макар отмахнулся и продолжал по-прежнему. Потом и попик перестал пугаться и даже расцвел улыбкой, видя, что его прихожанин режет правду и что эта правда приходится по сердцу старому Тойону. Даже молодые люди в длинных рубахах и с белыми крыльями, жившие у старого Тойона в работниках, приходили из своей половины к дверям и с удивлением слушали речь Макара, подталкивая друг друга локтями.

Он начал с того, что не желает идти к трапезнику в мерины. И не потому не желает, что боится тяжелой работы, а потому, что это решение неправильно. А так как это решение неправильно, то он ему не подчинится и не поведет даже ухом, не двинет ногою. Пусть с ним делают, что хотят! Пусть даже отдадут чертям в вечные комночиты,— он не будет возить исправника, потому что это неправильно. И пусть не думают, что ему страшно положение мерина: трапезник гоняет мерина, но кормит его овсом, а его гоняли всю жизнь, но овсом никогда не кормили.

— Кто тебя гонял? — спросил старый Тойон с сердцем.

Да, его гоняли всю жизнь! Гоняли старосты и старшины, заседатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голод; гоняли морозы и жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга!.. Скотина идет вперед и смотрит в землю, не зная, куда ее гонят... И он также... Разве он знал, что̀ поп читает в церкви и за что идет ему руга? Разве он знал, зачем и куда увели его старшего сына, которого взяли в солдаты, и где он умер, и где теперь лежат его бедные кости?

Говорят, он пил много водки? Конечно, это правда: его сердце просило водки...

— Сколько, говоришь ты, бутылок?

— Четыреста,— ответил поп Иван, заглянув в книгу.

Хорошо! Но разве это была водка? Три четверти было воды и только одна четверть настоящей водки, да еще настой табаку. Стало быть, триста бутылок надо скинуть со счета.

— Правду ли он говорит все это? — спросил старый Тойон у попа Ивана, и видно было, что он еще сердится.

— Чистую правду,— торопливо ответил поп, а Макар продолжал.

Он прибавил тринадцать тысяч жердей? Пусть так! Пусть он нарубил только шестнадцать тысяч. А разве этого мало? И, притом, две тысячи он рубил, когда у него была больна

первая его жена... И у него было тяжело на сердце, н он хотел сндеть у своей старухн, а нужда его гнала в тайгу... И в тайге он плакал, н слезы мерзлн у него на реснццах, н от горя холод проннкал до самого сердца... А он рубнл!

А после баба умерла. Ее надо было хороннть, а у него не было денег. И он нанялся рубнть дрова, чтобы заплатить за женнн дом на том свете... А купец увндел, что ему нужда, и дал только по десятн копеек... И старуха лежала одна в нетопленной мерзлой нзбе, а он опять рубнл н плакал. Он полагал, что этн возы надо счнтать впятеро н даже более.

У старого Тойона показалнсь на глазах слезы, н Макар увндел, что чашкн весов колыхнулнсь, н деревянная прнподнялась, а золотая опустнлась.

А Макар продолжал: у ннх все запнсано в кннге... Пусть же онн понщут: когда он нспытал от кого-ннбудь ласку, прнвет нлн радость? Где его дети? Когда онн умнрали, ему было горько н тяжело, а когда вырастали, то уходнлн от него, чтобы в однночку бнться с тяжелою нуждой. И он состарнлся однн со своей второй старухой н вндел, как его оставляют снлы н подходнт злая, беспрнютная дряхлость. Онн стоялн однноко, как стоят в степн две снротлнвые елкн, которых бьют отовсюду жестокне метелн.

— Правда лн? — спросил опять старый Тойон.

И поп поспешнл ответнть:

— Чнстая правда!

И тогда весы опять дрогнулн... Но старый Тойон задумался.

— Что же это,— сказал он,— ведь есть же у меня на земле настоящне праведннки... Глаза нх ясны, н лнца светлы, и одежды без пятен... Сердца нх мягкн, как добрая почва; прннмают доброе семя н возвращают крнн сельный[1] н благовонные всходы, запах которых угоден передо мною. А ты посмотрн на себя...

И все взгляды устремнлнсь на Макара, н он устыдился. Он почувствовал, что глаза его мутны н лнцо темно, волосы н борода всклокочены, одежда изорвана. И хотя задолго до смертн он все собирался купнть сапогн, чтобы явнться на суд, как подобает настоящему крестьянину, но все пропнвал деньгн, н теперь стоял перед Тойоном, как последннй якут, в дрянных торбасншках... И он пожелал провалнться сквозь землю.

— Лицо твое темное,— продолжал старый Тойон,— глаза мутные н одежда разорвана. А сердце твое поросло бурьяном, н терннем, н горькою полынью. Вот почему я люблю монх

---

[1] *Крин сельный* — лилия полевая.

праведных и отвращаю лицо от подобных тебе нечестивцев.

Сердце Макара сжалось. Он чувствовал стыд собственного существования. Он было понурил голову, но вдруг поднял ее и заговорил опять.

О каких это праведниках говорит Тойон? Если о тех, что жили на земле в одно время с Макаром в богатых хоромах, то Макар их знает... Глаза их ясны, потому что не проливали слез столько, сколько их пролил Макар, и лица их светлы, потому что обмыты духами, а чистые одежды сотканы чужими руками.

Макар опять понурил голову, но тотчас же опять поднял ее.

А между тем разве он не видит, что и он родился, как другие,— с ясными, открытыми очами, в которых отражались земля и небо, и с чистым сердцем, готовым раскрыться на все прекрасное в мире? И если теперь он желает скрыть под землею свою мрачную и позорную фигуру, то в этом вина не его... А чья же? — Этого он не знает... Но он знает одно, что в сердце его истощилось терпение.

VII

Конечно, если бы Макар мог видеть, какое действие производила его речь на старого Тойона, если б он видел, что каждое его гневное слово падало на золотую чашку, как свинцовая гиря, он усмирил бы свое сердце. Но он всего этого не видел, потому что в его сердце вливалось слепое отчаяние.

Вот он оглядел всю свою горькую жизнь. Как мог он до сих пор выносить это ужасное бремя? Он нес его потому, что впереди все еще маячила — звездочкой в тумане — надежда. Он жив, стало быть может, должен еще испытать лучшую долю... Теперь он стоял у конца, и надежда угасла...

Тогда в его душе стало темно, и в ней забушевала ярость, как буря в пустой степи глухою ночью. Он забыл, где он, пред чьим лицом предстоит,— забыл все, кроме своего гнева...

. . . .

Но старый Тойон сказал ему:

— Погоди, барахсан! Ты не на земле... Здесь и для тебя найдется правда...

И Макар дрогнул. На сердце его пало сознание, что его жалеют, и оно смягчилось; а так как перед его глазами все стояла его бедная жизнь, от первого дня до последнего, то и ему стало самого себя невыносимо жалко. И он заплакал...

И старый Тойон тоже плакал... И плакал старый попик Иван, и молодые божьи работники лили слезы, утирая их широкими белыми рукавами.

А весы все колыхались, и деревянная чашка подымалась все выше и выше! . . . .

. . . .

1883

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У него были особенные, светящиеся умом и добротою карие хорошие глаза. А во всем облике проступало то, что отличает людей незаурядных, наделенных редким качеством непрестанно напоминать окружающим о правде человеческой. С очень молодых лет обрел Владимир Галактионович Короленко эти притягательные черты. Воспитывал ли он их в себе? Или был наделен от рождения? Наверное, то и другое. Всегда высоко ставил самовоспитание, считал, добрые дела высветляют душу человека, твердая гражданская позиция дает сознание силы. Доброта и сила наложили на дела и облик Короленко печать особого благородства. На протяжении десятилетий он в глазах современников был олицетворенной совестью передовой России. «Среди русских культурных людей,— писал о Короленко Горький,— я не встречал человека с такой неумолимой жаждою «правды-справедливости», человека, который так проникновенно чувствовал бы необходимость воплощения этой правды в жизнь».

Немыслимо огромную эпоху в жизни одной страны вместила его достойная подражания жизнь (1853—1921). Удивительное постоянство гражданских убеждений, нравственных идеалов — главная черта замечательного русского писателя-демократа. Гимназистом, студентом, ссыльным узником, знаменитым литератором никогда не страшился он выступать против самодержавия и его слуг. Еще в ссылке началась литературная деятельность Короленко. Его первый рассказ «Чудная» (1880) был написан в вышневолоцкой тюрьме. Рассказ вышел из общей камеры политической тюрьмы и четверть века жил в списках, несмотря на старания Глеба Успен-

ского иапечатать его; официальиая литературная жизнь «Чудиой» иачалась после революции 1905 года. Сколько очищающей силы иес в себе рассказ о смелой девушке-иародиице! Можио убить ее, можио «сломать», но «согиуть» — заставить отказаться от убеждеиий — властям ие под силу: «ие гиутся этакие».

Уже с первых шагов в литературе Королеико обратился к изображеиию светлого, героического иачала в человеке. Герои произведеиий молодого писателя — иеисправимые и непримиримые правдоискатели, буитари. Даже самый иевиниый, житейский компромисс отвергает «чудиая», для иее соглашеиие с властью иевозможно ни прн каких условиях; герой одиоимеииого рассказа Яшка вовсе отказался признать иад собой власть «начальников», за что попал в отделеиие для умалишеииых. Неистовым стуком в дверь своей одиночиой камеры «подвижннк» Яшка обличает «беззаконников», протестуя во имя «старого прав-закоиа», и «дыхание близкой смерти» ие может угасить в нем бунтарства.

Сильиые, свободолюбивые, ие покорившиеся обстоятельствам люди были открыты писателем в жизии тяжкой, ио ие безотрадиой. Поздиее, в середиие 90-х годов, Короленко выступнт со своей знаменитой формулой счастья: «Человек создаи для счастья, как птнца для полета». В сумеречных восьмидесятых такое утверждеиие прозвучало бы тягостиой насмешкой — в девяиостых, переломиых, оио было с энтузиазмом подхвачеио современииками. Горький, горячо любивший своего учителя, как бы откликиулся иа королеиковский афоризм — своим, виутреине ему созвучиым: «Человек — это звучит гордо!» Формулу свою Королеико дополиит потом словами, дышащими верой в человека, в людей: «Жизнь вообще, в самых мелких и крупиых явлеииях, кажется мие проявлеиием общего великого закона, главиые черты которого — добро и счастье. А если иет счастия? Ну что ж, исключеиие не опровергает правила. Нет своего — есть чужое, а все-таки общий закои жизии есть стремлеиие к счастию и все более широкое его осуществлеиие».

Историческнй, социальиый оптимизм, вера в дремлющие, готовые пробудиться иародиые силы нашли яркое воплощеиие в зиамеиитом рассказе Королеико «Сои Макара».

Скитаиия по дальиим углам России, трудовая жизиь среди простого люда, в убогих крестьяиских избах, в политических тюрьмах — вот откуда почерпиул писатель идею и образы своего рассказа. В глухой якутской слободе Амга довелось Королеико встретиться с Захаром Цыкуиовым, послужившим прототипом его будущего героя. «Макар» — это хозяии иашей юрты Захар,— вспомииал товарищ Королеико по якутской

ссылке.— Он объякутившийся русский переселенец, грязный, грубый, вороватый, пришибленный. Он привязывается к Владимиру Галактионовичу, ходит к нему, выкладывает перед ним все печали своей скорбной, беспросветной, трудовой жизни... Душа его распахивается перед «хорошим человеком»...— и Владимир Галактионович заглянул в эту душу».

В задавленном тяжелым трудом и нищетой русском мужике угадывает писатель лик человеческий во всей его полноте: несомненную чистоту сердца, нравственную силу, истинно человеческие чувства, жажду идеала, веру в лучшее. Пусть во сне, но «пробуждается» несчастный, забитый Макар, вдруг обретает необыкновенный дар слова и отваживается на гневный протест против тех, кто «его гонял всю жизнь». И сон этот не столько фантастический, сколько символический. Мажорным аккордом заканчивается рассказ о жизни и смерти «пашенного крестьянина» Макара

Все творчество Короленко проникнуто глубокой верой в могучие способности русского народа и конечное торжество на земле «правды-справедливости». Оно и теперь не утратило огромной силы нравственного воздействия на людей. «Нужно искать красоты и жизненной правды вместе. Жизненная правда проста, сурова, иной раз непривлекательна, но если суметь овладеть ею, то с нею и красота прочнее».

Георгий Миронов

5 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Владимир Галактионович Короленко

СОН МАКАРА

Рассказ

Ответственный редактор **Л. И. Самсонова**. Художественный редактор **Т. М. Токарева**. Технические редакторы **И. П. Савенкова** и **Т. Д. Юрханова**. Корректор **И. Н. Мокина**.

ИБ № 7864

Сдано в набор 15.03.85. Подписано к печати 08.07.85. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бум. офс. № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2. Усл. кр.-отт. 2,5. Уч.-изд. л. 1,81. Тираж 2 500 000 экз. Заказ № 275. Цена 5 коп.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.